«Европейская цивилизация – от Миланского эдикта до христианофобии». Выступление митрополита Илариона на Международной научно-практической конференции «Духовный подвиг святых равноапостольных Константина и Елены – начало и торжество христианского мира в и

2 октября 2012 года председатель ОВЦС выступил на открытии Международной научно-практической конференции «Духовный подвиг святых равноапостольных Константина и Елены – начало и торжество Христианского мира в истории человечества», проходившей в Центральном доме ученых РАН.

Уважаемые участники и гости конференции!

Позвольте приветствовать вас от имени Предстоятеля Русской Православной Церкви – Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. В своих выступлениях Его Святейшество часто обращается к теме христианских ценностей, сформировавших европейскую цивилизацию, ставших духовной основой нашего народа. К этой важной теме нам следует постоянно возвращаться.

Христианский мир приближается к знаменательной дате – 1700-летию Миланского эдикта, который вошел в мировую историю как важнейший юридический документ, разделивший две эпохи – языческого Рима и христианской Европы. А 1675 лет назад скончался инициатор этого документа – император Константин Великий, названный Церковью святым и равноапостольным. Говоря о значимости деяний святого царя Константина для христиан, необходимо вспомнить о тех временах гонений, через которые проходила Церковь Христова до дарования римским гражданам и подданным религиозной свободы.

Господь наш Иисус Христос предупреждал своих последователей: «Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Ин. 15, 20) и «возложат на вас руки и будут гнать вас, предавая в синагоги и в темницы, и поведут пред царей и правителей за имя Мое…» (Лк. 21, 12). Помимо гонений со стороны иудеев, которые начались еще при земной жизни Спасителя, языческое римское общество также увидело в христианах новых врагов. Причин тому было несколько. Языческий культ был источником существования целого круга лиц – жрецов, делателей идолов и прорицателей. Христиан, отвергавших возможность поклонения ложным богам, «общественное мнение» обвиняло в

безбожии, оставлении веры отцов, что признавалось большим бесчестием, нравственным вызовом всему народу. Крайне подозрительным казалось уклонение христиан от публичных увеселений и зрелищ, что не добавляло симпатий со стороны сограждан. Непризнание императора богом, отказ в поклонении его изображению и в принесении жертв порождали подозрение в неблагонадежности, нелояльности и государственной измене. Христианам стали приписывать самые страшные преступления, их воспринимали как человеконенавистников и людей низкой жизни.

Иисус Христос объяснял своим ученикам и причины такого будущего отношения к ним окружающего общества: «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин.15, 19).

Языческие интеллектуалы, не особо погружаясь в суть учения Христа, именовали его «пагубным суеверием» (Тацит), «грубым и безмерным» (Плиний Младший). Против христианства выступили представители стоиков, эпикурейцев, неоплатоников – Лукиан Самосатский, Цельс, Флавий Арриан, Иерокл. Одним были непонятны мужество и стойкость в вере христианских мучеников, другим учение казалось «блужданием по воздуху», да еще и не признающим, например, в отличие от воззрений неоплатоников, истинность за другими религиозными системами и философскими воззрениями. Воистину, христианство стало «для Иудеев соблазном, а для Еллинов безумием» (1 Кор. 1, 23).

Общественное мнение было вполне подготовлено и для начала уже массовых преследований требовалась лишь политическая воля. Нужна была искра, которая подожгла бы сформировавшуюся взрывоопасную смесь слухов, стереотипов и сложившихся представлений о христианах. Такой искрой, в прямом смысле этого слова, стал пожар в Риме, учиненный в 64 году, по некоторым свидетельствам современников, императором Нероном. Поползли слухи о его причастности к бедствию, и чтобы их пресечь, Нерон обвинил в поджоге христиан. Тацит так описывает эти события: «И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами… Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах, или обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения» (Анналы XV.44).

Позже гонения то затихали, то разгорались с новой силой. Преследования христиан во времена Диоклетиана и его преемников стали предсмертным рывком языческой империи. Религиозный плюрализм Рима оказался несовместимым с «негибкими» и «нетолерантными» гражданами и подданными, которые стремились к абсолютной Истине. В очередной раз могущественная

государственная машина не смогла справиться с безоружными и даже не сопротивлявшимися христианами, что привело к кардинальным изменениям в империи, инициатором и проводником которых стал святой равноапостольный Константин Великий.

Историков и богословов особенно интересовал вопрос, что же именно склонило Константина Великого на сторону христианства? Очевидно, что его (как, впрочем, и его отца, Констанция Хлора) благосклонное отношение к христианам сформировалось изначально под влиянием матери - святой равноапостольной царицы Елены. Но что, в конечном счёте, двигало императором, когда он инициировал подготовку и издание Миланского эдикта? Голый политический расчет, лишенный искреннего религиозного чувства, или искреннее принятие Христа в свое сердце? Исторические источники, повествующие нам о личности Константина Великого, весьма полярны: с одной стороны, это церковный историк Евсевий Кесарийский, а с другой – языческий автор Зосим, питавший неприязнь к личности императора. На этих источниках строились рассуждения более поздних исследователей, которые привнесли свой субъективизм в этот вопрос. Известны, например, скептические оценки немецкого историка Якоба Буркхарда, характеризующего императора Константина как ловкого политика, сугубого прагматика с абсолютно безрелигиозной мотивацией. С этим нельзя согласиться хотя бы потому, что в империи к тому времени было не более 10% христиан, а опираться на столь узкий слой населения означало бы решиться на крайне рискованный политический эксперимент. Тем более, что этот риск был не беспочвенен: ни Сенат, ни римская общественность не поддержали религиозную политику Константина Великого. Это явственно проявилось во время торжеств по случаю 20-летнего правления императора в Риме, когда он не принял участия в жертвоприношении по случаю его прибытия в столицу, что вызвало открытое негодование римлян, которое готово было вылиться в вооруженный мятеж. Открытая неприязнь преимущественно языческого Рима стала одним из факторов, побудивших Константина Великого задуматься о новой столице для империи.

Поворотным моментом в религиозном мироощущении императора стала его битва с узурпатором Максентием, перед которой Константин получил вразумление от Бога христиан, как победить врага.

В 313 году в Медиолане состоялось совещание Константина Великого и Лициния, на котором от имени двух августов был издан Миланский эдикт, адресованный президам провинций. Его текст дошел до нас в книге Лактанция «О смертях гонителей» и в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского. Эдикт дезавуировал ранее изданные акты, касающиеся христиан. В отличие от эдикта Галерия 311 года, этот документ провозглашал для римских граждан и подданных полную религиозную свободу: «…никому не запрещается свободно избирать и соблюдать христианскую веру, и каждому дарується свобода обратить свою мысль к той вере, которая, по его мнению, ему подходит»[1]. Таким образом, языческий культ de jure потерял господствующее положение.

Святой Константин Великий начал постепенный процесс повышения юридического статуса Церкви. Это продолжалось, хотя и с известными отступлениями и попытками реставрации гегемонии язычества, при преемниках Константина, а Феодосий Великий уже завершил юридический разрыв империи с язычеством.

Миланский эдикт заложил основы будущих взаимоотношений Церкви и государства, которые впоследствии Юстиниан назовет симфонией священства и царства.

Вспоминая в наши дни, какой ценой досталась эта свобода христианам, мы с прискорбием наблюдаем, как легко современная Европа расстается со своей христианской идентичностью. Концепция европейской интеграции оставила за скобками религиозную составляющую - сначала из проекта Конституции ЕС было изъято упоминание о Боге и христианстве, а потом и из Лиссабонского соглашения, пришедшего на замену так и не ратифицированной Конституции. В результате вся идеологическая основа евроинтеграции свелась исключительно к свободе, демократии и верховенству права - секулярной парадигме, не соответствующей цивилизационному наследию Европы. Процесс секуляризации привел к тому, что большинство европейцев перестали соотносить свою жизнь с Евангелием, стали жить по стандартам «общества потребления». Более того, христианство стало чужеродным элементом в общественной жизни, где всё чаще стали встречаться проявления христианофобии.

К сожалению, господствующее секулярное мировоззрение вытесняет из общественного пространства религию, которая объявляется «частным делом». То есть, вы можете делать все что угодно у себя дома, верить в кого угодно и как угодно «в душе», но взаимодействовать с государством и обществом должны только по установленным правилам, одинаковым для всех. Этот, казалось бы, справедливый подход, становится подлинным вызовом для христиан, когда вышеуказанные правила начинают противоречить основам христианской нравственности. Признание секулярным обществом таких явлений, как аборты, эвтаназия, однополые союзы, делают христиан изгоями, поскольку они не могут согласиться с ними как с нормой жизни человека.

Логика современного секуляризма напоминает логику языческого Рима: верьте во что угодно, но вы обязаны принести жертвы богам - «толерантности» и «плюрализму». Вера в Бога, готовность следовать Его заповедям всё чаще именуются частным мнением, возвещать которое слишком громко просто неприлично, несовременно и архаично. Называть вещи своими именами, например, аборт – детоубийством, эвтаназию – убийством и самоубийством, воспринимается как акт нетерпимости, несовместимый с плюрализмом мнений, и является «попранием прав и свобод граждан».

Все чаще в странах Евросоюза мы наблюдаем дискриминацию по отношению к гражданам, выражающим активную христианскую позицию. Более того, даже ношение христианских символов – нательных крестов – может быть расценено некоторыми работодателями как нарушение «корпоративной культуры». Раздаются голоса о необходимости запретить публичное празднование Рождества Христова под надуманными предлогами – это может, якобы, оскорбить представителей других религий. Аналогичная борьба против религиозных символов в школах шла несколько лет в Европейском суде по правам человека в рамках разбирательства по делу «Лаутси против Италии» - ярком примере, когда один человек, прикрываясь ущемлением своих прав, пытается навязать миллионам людей свою волю. «Религиозная нейтральность общества», выстраиваемая поборниками европейского секуляризма, на практике превращается в «ценностную зачистку» этого общества.

Как христиане могут противостоять подобным тенденциям? В чем сила христианства? Она определяется верой христиан, их способностью жить по Евангельскому закону, нести людям свет Божественной Истины. Утратив способность быть солью земли (Мф. 5, 13), христиане становятся не в силах противостоять различным идеологиям, утверждающим собственные правила человеческого общежития.

Сегодняшняя конференция ставит своей целью осмысление тысячасемисотлетнего пути Церкви Христовой от Миланского эдикта до наших дней – эпохи, которая была наполнена многими знаковыми для христиан событиями. И важнейшим в этом осмыслении является ответ на вопрос о будущем христианства, месте и роли христианских ценностей в жизни общества, семьи и отдельной личности.

Благодарю за внимание.

_____

[1] Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993. С. 358

Источник: https://mospat.ru/ru/news/53651/